

очень последовательно, от начала и до конца, и производит впечатление вполне органичного явления.

Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных,
Из-за той же сторонюшки восточныя
Не темная туча поднималася, —
С силой Мамай соряжается
На тот же на крашен Киев-град
И хочет крашен Киев в полон взять.

Ниже говорится о том, что Мамай узнал, будто в Киеве не стало Ильи Муромца и других богатырей. Мамай посылает посла в Киев с грозным ультиматумом. Князю удается добиться небольшой отсрочки. Между тем Илья собирает богатырей и, сговорившись с ними, едет «до бела шатра до Мамаева» «посмотреть войско изрядное». Здесь между татарским царем и русским богатырем происходит разговор, аналогичный тому, какой обычно происходит в былине «Илья и Идолище». Богатырь вступает в борьбу с татарами, закалывает «старого Мамаю» и отрубает ему голову. Происходит полное уничтожение татарской силы. После этого два брата Суздальца хватают, вызывая на бой «силу небесную». Тогда «восстала сила Мамаева и стало силы больше пятеро». Начинается новое побоище, и русские богатыри одолевают татар лишь после того, как каются перед «Спасом пречистым». Одержав победу и похоронив убитых, богатыри едут в Киев «во честны монастыри» (Тихонравов—Миллер, № 8).

Перед нами — не что иное, как одна из версий былины «Камское побоище». Ясно, что сюжетные особенности этой версии и данного варианта не могут быть объяснены тем, что здесь действует Мамай; особенности разработки сюжета не соотносятся с Куликовской битвой.

Выше мы видели имя Мамаю в былинах «Илья и Калин-царь» и «Илья, Ермак и Калин-царь». Во всех случаях сюжеты развивались в общем вполне традиционно; действие в них приурочивалось к Киеву; обязательно фигурировал князь Владимир; никаких подробностей, которые могли бы рассматриваться как следы народных впечатлений от Куликовской битвы, здесь нет. Никогда не упоминаются Москва, Дон и т. д.

Былины об отбитом татарском нашествии сложились как эпические произведения не об одном конкретном факте, а о целой эпохе в народной жизни. Притом они сложились задолго до реальной победы Руси над захватчиками. В этих былинах народ выразил желаемое, выразил свою уверенность в победе и мечту о ней. Для былин этого круга характерно соединение конкретно-исторического изображения татарского нашествия с эпическими мотивами и с фантастическими картинами уничтожения татар. Несомненно, что известные нам сюжеты сложились задолго до Куликовской битвы, в условиях татарского ига. Этим объясняется, в частности, принадлежность их к Киевскому циклу.

Хранители эпоса (и слушатели былин) могли соотносить содержание былин об отбитом нашествии с Куликовской битвой. Если учесть особенности жизни былин в народной среде, можно смело утверждать, что осмысления такого рода имели место. Но они не влекли за собой переработку сюжетов. Очевидно, уже и в XIV—XV вв. сила традиции в эпосе определяла возможные границы сюжетных и иных изменений. Можно предполагать, что имя Мамаю, названия «Мамаево побоище», «Куликово поле» вошли в эпос как непосредственные впечатления от Куликовской битвы. Но в сюжетном отношении Киевский цикл былин об отбитом нашествии не претерпел в связи с битвой 1380 г. каких-либо изменений.